
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕФОРМАТОРСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1920—1930-Х ГГ.*

М.Н. Мосейкина

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются основные тенденции развития реформаторско-демократической мысли российского зарубежья 1920—30-х гг., которая характеризовалась отказом от революционного насилия и синтезом ценностей демократии и подлинного социализма. Автор проанализировал разработанную на ее основе модель переустройства постбольшевистской России, показав ее социально ориентированную направленность. Специальное внимание уделено поиску либеральными политическими силами новых тактических решений, нашедших отражение в платформе Республиканско-демократического объединения, одним из лидеров которого являлся П.Н. Милуков.

Ключевые слова: российское зарубежье, реформаторство, демократия, авторитарная традиция, «новый либерализм», тоталитаризм, модернизация, П.Н. Милуков.

В условиях развития российского общества начала XXI в. проясняются общие принципы современной демократии и различия ее моделей. Демократическое национальное строительство (nation building) России предполагает ставку на социально-ориентированную демократию, обращенную к человеку, солидарные усилия разных классов общества для выработки демократического консенсуса.

В связи с расширением социальной ответственности современного государства перед своими гражданами и международным сообществом и, как следствие, поиском новых подходов к модернизации модели социальной политики России представляется актуальным обращение к теоретическому наследию представителей российского зарубежья, разработавших в 1920—1930-е гг. свою модель переустройства России, предполагавшую ее демократизацию в условиях не только противостояния большевистскому режиму, но и преодоления глубоко укоренившейся авторитарной национальной традиции.

Под влиянием итогов Гражданской войны и поражения Белого движения политические партии в русском зарубежье переживали серьезный мировоззренческий кризис, нередко приходя, с одной стороны, к идеализации дореволюционного прошлого и увлечению различными видами автократии; с другой, — к неприятию западных ценностей, появлению наряду с антикоммунистическими и антикапиталистическими настроений. Основной водораздел между различными эмигрантскими организациями в этот период пролегал по вопросу будущего политического устройства России.

События, которые произошли в стране после 1917 г., заставили многих русских людей не только иначе взглянуть на те идеи и ценности, которым они пре-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта 08-01-00222 а.

жде поклонялись, но и напряженно искать новые, более прочные основания для защиты свободы и прав личности. Важное место в идейном, политическом и тактическом перевооружении русской эмиграции заняла партия конституционных демократов. Суть идейной борьбы, которая развернулась в ее рядах и привела к расколу, как справедливо пишет А.А. Куреньшев, сводилась все к тому же вечному для России вопросу: как управлять страной — авторитарными диктаторскими методами или путем народоправия, демократическими способами (1). Кадеты упрекали Врангеля в приверженности к старорежимным приемам и методам управления, а главное, — в том, что к управлению были привлечены старые до-революционные кадры. В результате с первых дней эмиграции они настаивали на необходимости резкого поворота к демократии. «Привычка и методы старого правящего класса должны быть заменены теперь методами новой демократической России» (2), — читаем в письме членов парижской группы партии Народной свободы.

Кроме того, небывалое в истории поправление человеческой личности коммунистической властью в СССР, по мнению Н.А. Омельченко, также заставило представителей русской политической эмиграции и, в первую очередь, социалистов «глубже продумать, на чем покоятся основы человеческих прав и свобод» (3). И если левые (меньшевики) имели в виду не столько ревизию содержания социализма, сколько пересмотр форм и методов его построения, то так называемая правая часть социалистического лагеря все дальше отходила от самой социалистической доктрины, обнаруживая свое сближение с «буржуазным либерализмом», при этом продолжая позиционировать себя сторонниками «демократического социализма» (4).

Отрицательный опыт борьбы с большевиками методами Гражданской войны подталкивал либеральные политические силы русского зарубежья к поиску новых тактических решений, а также к определению круга новых союзников. Основные контуры новой тактической платформы были намечены в программной записке П.Н. Милюкова «Что делать после Крымской катастрофы?» (имевшей подзаголовок «К пересмотру тактики партии народной свободы»), которая предполагала неприятие соглашения с большевиками и одновременно отрицание прежних методов вооруженной борьбы. То есть выбор милюковцами был сделан в пользу социалистических партий и так называемой политики «уклонения налево» (5), на основе чего появилась почва для объединения части либеральных кругов российской эмиграции с правыми социалистами.

При этом отношение к социализму у Милюкова, как отмечает М.Г. Вандалковская, прошло определенную эволюцию: от абстрактного отрицания до признания его определенной роли как общественной теории. В результате Милюков различал социализм эсеров как «социализм демократический», отошедший от идеи классовой борьбы и диктатуры пролетариата, и социализм социал-демократов и большевиков как «недемократический». Именно с первым сторонники Милюкова, «несоциалистические демократы», могли идти вместе (6). В этом заключалась суть «новой тактики», предложенной Милюковым.

В эмиграции лидер кадетов обратил внимание на то, что в предлагаемых российскими либералами моделях преобразований не учитывались интересы крестьянства, составлявшего большинство и ориентировавшегося на архаичные, общинные ценности. Это создавало благоприятную почву для восприятия им не либеральных, а социалистических идей.

И вот теперь, учитывая богатый опыт борьбы политических партий дореволюционной России, анализируя причины победы большевиков и поражения Белого движения в Гражданской войне, Милюков начал по-новому синтезировать либеральные и демократические элементы своей доктрины. Именно опираясь на эту, во многом переосмысленную им в новых исторических условиях теоретическую концепцию, он и его издание, газета «Последние новости», оценивали проблемы большевистской модернизации и перспективы развития страны после ее освобождения от диктатуры.

Следует подчеркнуть, что основное различие между теоретическими подходами отдельных течений русского либерализма к разработке моделей будущего страны, по мнению современного исследователя Г.К. Малыхина, заключалось в разном понимании роли и функций государства в постбольшевистской России (7). Модели постбольшевистской российской модернизации, предложенной Милюковым и его сторонниками, была придана значительная социальная направленность. Вывод, к которому приходил политик и ученый, заключался в том, что либерализм должен был активнее заимствовать позитивные аспекты социализма. Таким образом, будущее либеральной демократии Милюков все более связывал с ее социальной ориентированностью, признанием необходимости вмешательства государства в решение экономических задач. Принципы же абстрактной демократии и «классического» либерализма, на его взгляд, все более не соответствовали требованиям времени, вступая в противоречие с интересами всего общества.

С лета 1922 г. левые кадеты после неудачи Совещания членов Учредительного собрания 1921 г. занялись, на основе предложений Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповича по созданию Республиканско-Демократического союза, разработкой проекта организации «фронта демократических сил в эмиграции». После многочисленных дискуссий в октябре—декабре 1923 г. был сформирован межпартийный Республиканско-Демократический блок (РДБ) левых кадетов с правозэсеровской организацией «Крестьянская Россия» (сплотившейся вокруг одноименного альманаха, выходившего под редакцией А.А. Аргунова, С.С. Маслова и А.Л. Бема), и с отдельными представителями партии народных социалистов. В июне 1924 г. было сформировано более широкое внепартийное Республиканско-демократическое объединение (РДО) с участием не только демократических партий, но и ряда общественных организаций. Таким образом, сформировалось республиканско-демократическое крыло общественно-политического течения российского зарубежья, лидерами которого выступали руководитель партии кадетов Милюков, лидер партии прогрессистов, предприниматель А.И. Коновалов, посол Временного правительства в США Б.А. Бахметьев и другие.

Платформы двух разнородных по составу, но близких по сути союзов (РДБ и РДО), а также предшествовавшая им платформа совещания 1922 г. представи-

телей социал-демократов, народных социалистов и пражской группы Прокоповича и Кусковой имели много общих положений. По словам Милукова, их объединяли такие принципы, как «демократическая республика, федерация и признание земельных приобретений крестьянства» (8).

Республиканская идея в «ее демократической форме» объявлялась основой Республиканско-демократического объединения. Будущий республиканско-демократический строй должен был базироваться на таких основаниях, как демократическая федеративная республика с «подзаконной и ответственной перед народом исполнительной властью, гарантиями политических и гражданских свобод; как независимый суд и защита национальных меньшинств, всеобщее активное и пассивное право в органы центрального и местного представительства» (9).

Давая тут же комментарий по поводу федеративного устройства СССР, Милуков писал: «...Составные части РСФСР не обладают той степенью самостоятельности, которыми должны обладать федеративные части... СССР — ...эта высшая группировка только с большой натяжкой может назваться «федеративной»... У членов СССР, не говоря уже о РСФСР, нет собственного бюджета, они вполне зависят тут от центра, все ресурсы их народной экономики находятся в распоряжении центральной власти — вплоть до раздачи концессий» (10). Отмечалось также, что «федеративные части были лишены в этих областях даже тех прав, которые имели старые земские собрания». А право свободного выхода из Союза называлось Милуковым «только декларативным заявлением, но не юридической формулой». Вместе с тем, говоря о будущей перспективе, автор признавал, что в части организационного строительства «советское законодательство может явиться... прецедентом при определении форм будущей федерации» (11).

Ставя в связи с федеративным устройством России еще один важный вопрос — о характере отношений с государствами-лимитрофами, Милуков писал, что некоторые из них «войдут в ту или иную форму общения с Россией», но при этом замечал, что для них как демократов не может быть способа «насильственного присоединения силой оружия». Как своеобразное предупреждение (в связи с последующими событиями 1940 г.) звучали слова лидера конституционных демократов о том, что на примере Польши или Финляндии (с ее древней государственностью) хорошо известно, «к чему ведет подчинение развитой национальности и попытка порабощения ее национального духа» (12).

Комментируя положение Программы РДО по поводу гарантий политических и гражданских свобод, Милуков отмечал, что «гражданское равноправие есть также основной тезис демократии, который ни из какой демократической программы выкинут быть не может», включая права национальных меньшинств в области образования и использования родного языка (13).

Другой демократический принцип, который был включен в программу РДО, — это принцип всеобщего избирательного права. Интересны (особенно в свете современной реформы избирательной системы в России) комментарии Милукова по поводу оценки пропорциональной («когда несколько округов соединяются в более крупную выборную единицу и голосуется целый список депутатов, которые

составляются конкурирующими между собой партиями») и мажоритарной (когда «вся страна делится на округа и каждый округ выбирает одного депутата») системы выборов. «До недавнего времени пропорциональная система, — отмечал в своих комментариях Милюков, — была неизбежной принадлежностью всякой демократической платформы». В России же, по его мнению, применить формы пропорционального представительства было, быть может, «слишком тонким блюдом». Здесь, как считал политик, «уместнее формы более упрощенного представительства, дающие возможность создать энергичную народную волю и более сильную народную власть» (14), особенно, заметим, на начальном этапе становления правового государства.

В социально-экономической области РДО предполагал отказ от коммунистической системы и восстановление свободы экономической деятельности — с признанием свободы хозяйственной инициативы и частной собственности (индивидуальной и коллективной). Ставилась задача восстановления транспорта, промышленности и торговли, в том числе с привлечением иностранного капитала, но при условии защиты русских народно-хозяйственных ресурсов от расхищения иностранцами (15).

Аграрная политика республиканско-демократического лагеря базировалась на «признании происшедшего во время революции перехода земель к хозяйствам крестьянского типа и решительной борьбы со всеми попытками восстановить дореволюционные земельные отношения или отчудить землю из рук ее теперешних держателей» (16). Сельское хозяйство признавалось основой возрождения народного хозяйства России, для чего обосновывалось требование принятия государством соответствующих мер к его скорейшему восстановлению. До восстановления нормальной народной хозяйственной жизни в стране предполагалось государственное, в интересах крестьянского хозяйства регулирование земельного оборота.

В экономической политике допускалась регулирующая роль государства, не стесняющая самодеятельности населения и здоровой хозяйственной инициативы, как частной, так и общественной. Предполагалась государственная охрана наемного труда во всех областях народного хозяйства, обосновывались также «право коалиции и свобода профессиональных организаций». Считая необходимым осуществить ограничение частной собственности по примеру законодательств правовых демократических стран, Милюков справедливо полагал, что именно «при восстановлении России регулирующая роль государства может особенно понадобиться» (17).

Всеобщее народное просвещение и всемерное содействие ему со стороны властей, общественных организаций и частной инициативы, как и признание охраны народного здоровья, рассматривались РДО в качестве главнейших задач возрожденного государства (18).

Таким образом, часть российских либералов, принадлежавших республиканско-демократическому крылу русской интеллигенции, проделала значительную духовную эволюцию, приведшую к становлению концепции «нового либерализма»,

пронизанного идеями демократии и воспринявшего некоторые положения учения о социальной справедливости. Сторонники республиканско-демократического лагеря, ориентировавшиеся на крестьянство, поддерживали тактику Милюкова, рассчитывавшего некоторое время на действие внутренних факторов больше, чем на внешнее воздействие. В своей политической программе они делали ставку на возможную эволюцию большевистского режима в сторону идеи народоправства и республиканско-демократического строя, в надежде, что именно крестьянство сыграет важную роль в борьбе с советской властью и в сотрудничестве с другими социальными группами окажется способным к созиданию новой России.

В этой связи именно НЭП произвел огромное впечатление на широкие круги русской эмиграции. Либеральное крыло в 1920-е гг. оценивало нэповскую модель как попытку создания индустриального общества «капиталистическими руками», на основе рыночных механизмов. С ними в этой оценке соглашались и правые группы эсеровских теоретиков, видя в этой модели уступки идеологизированной власти стране, развивавшейся согласно законам истории в направлении ценностей западной цивилизации, рынка и демократии. На этой основе делался вывод о переходящем значении большевистской диктатуры и о скорой ее замене демократическими институтами под влиянием крестьянства и части советской партийно-политической элиты, выражавшей его интересы. Однако следует заметить, что вера лично Милюкова в эволюцию или перерождение советского общества в сторону демократии не означала веры в перерождение большевизма (что наблюдалось, в частности, у идеолога сменовеховства Н.В. Устрялова).

Исходя из складывавшейся в СССР ситуации, общим собранием Республиканско-демократического объединения от 18 марта 1926 г. были разработаны следующие тактические положения, обязательные для его членов:

«1. Сохранение пафоса неприятия советской власти и борьбы с ней, а, следовательно, и революционное к ней отношение и отрицание всякого рода примиренчества.

2. Преодоление духовного отрыва от России и стремление войти в духовное общение с внутрирусской демократией».

Это положение предполагало:

1. Признание положительного значения за общим смыслом происходящих внутрирусских процессов, ведущих к освобождению России от советской власти силами самого населения.

2. Внимательное изучение этих процессов, со всеми произведенными изменениями — социальными, бытовыми, психологическими.

3. Согласование тактики эмиграции с тактикой населения, борющегося с советской властью методами как революционными, так и мирными, которые оказываются наиболее целесообразными при внутрирусской обстановке борьбы.

4. Признание того, что борьба с советской властью не должна переходить в борьбу против национальных интересов России.

5. Основную цель своего существования в дальнейшем РДО видит в непосредственном участии в борьбе против советской власти в России. Деятельность

РДО и его отдельных членов (как-то: подготовка кадров, введение дисциплины, изучение сегодняшней России и прочее) должна быть направлена к деятельному приоткрытию себя к этому рода участию» (19).

Во второй половине 1920-х гг. представители республиканско-демократического лагеря были уверены, что объективное развитие нэповских процессов приведет к народному выступлению и гибели большевистской диктатуры. Однако этому прогнозу не суждено было сбыться.

Большевики реанимировали революционные процессы, создали психологическую атмосферу жертвенности во имя Великой России, отказались от политики «построения социализма капиталистическими руками», значительно ускорили процессы модернизации страны. В результате не оставалось никаких надежд на скорую эволюцию политического режима и как следствие — уход из коалиции представителей «Крестьянской России», сделавших ставку на индивидуальный террор и крестьянские восстания.

Тем не менее сторонники Милокова продолжали еще некоторое время рассматривать внутривластные противоречия в ВКП(б) как вероятную возможность в будущем смещения Сталина со своего поста. «Оппозиция Сырцова и Рютина, — заявлял Милоков в докладе на собрании членов РДО в декабре 1932 г., — часть их программы может быть принята и нами. Это открывает возможность для проведения нитей от нас туда» (20). На повестку дня Республиканско-демократического объединения он ставил разработку не общеполитической программы, «а платформы очередных действий, которые должны лечь в основу деятельности тех, кто займет место Сталина» (21).

Подобную позицию разделял и Б.А. Бахметьев, рассматривавший «послесталинский период власти слабых большевиков» как время, когда «внутри русского тела будут нарастать и откristаллизовываться те группировки и бытовые отношения, которые в известный момент властно потребуют перемены правящей верхушки и создадут исторические силы и исторические личности, которым суждено будет внешне положить конец большевистскому периоду и открыть следующий» (22).

Республиканский союз Кусковой и некоторые другие эмигрантские группы демократической ориентации также питали надежды на то, что правые большевики и левые эмигрантские круги объединятся и вместе создадут демократическое правительство обновленной России.

1930 г. рассматривался как один из самых подходящих для осуществления решительного натиска на СССР, на его руководство во главе со Сталиным, с учетом того, что к этому времени в стране начались широкомасштабные преобразования.

Методы реконструкции сельского хозяйства, проводившиеся в то время, должны были, по мнению этой части русской эмиграции, вызвать недовольство крестьянства и привести к очередному витку внутривластной борьбы.

Как голод начала двадцатых годов ознаменовал провал военного коммунизма и привел к НЭПу, так и голод 1932—1933 гг., по мнению редакции «Последних

новостей», был результатом левых эксцессов периода индустриализации и коллективизации. И опять высказывалась надежда на приход к руководству «мягких» большевиков, с которыми собирались пойти на компромисс левые либералы при посредничестве правых социалистов, как марксистского, так и неонароднического толка.

Но кризиса советского строя и в этом случае не произошло, хотя Милюков продолжал указывать на все кажущиеся уступки советской власти (в частности, принятие в 1935 г. устава сельскохозяйственной артели, в 1936 г. — Конституции СССР). В результате Конституция ввела в заблуждение «Последние новости», как и московские процессы, которые проходили одновременно с проведением в жизнь «демократической конституции» (23).

Однако, выступая уже через год с оценкой положений Конституции, призванных иллюстрировать факты построения социализма в СССР, Милюков справедливо указывал на их явные противоречия с действительностью, а именно на рост социальных антагонизмов и дифференциацию населения на «„привилегированное меньшинство“, могущее жить в комфорте, и погруженное в нищенство большинство», и в особенности на то, что «возникает (возник) уже новый привилегированный класс, не говоря уже о системе полицейской опеки!» (24). Милюков отмечал в связи с этим: «Не удастся и Сталину скрыть, что конституция становится фикцией там, где начинается политика в собственном смысле... Конституция констатирует факт и не говорит о перспективах или «программах». А «факт» есть водворение социализма и уничтожение классов — и точка!». В результате, с сожалением заключает Милюков, устраняется «теоретический спор о динамике процесса» (25).

Тем не менее, к середине 1930-х гг. многие в среде русской эмиграции, включая Милюкова, были вынуждены признать факт превращения СССР в крупнейшую военно-промышленную державу. Значительно сократив реальный жизненный уровень трудящихся, государство на этой основе создало мощную индустрию, механизировало сельское хозяйство. Однако большинство в русском зарубежье, прежде всего Милюков и Прокопович, не рассматривали эти большевистские преобразования как модернизацию в ее западном варианте. Созданная большевиками в 1930-е гг. индустриальная экономика была, с их точки зрения, искусственной, нежизнеспособной, затратной, нерентабельной. Крестьяне лишились всякого интереса к труду, поэтому огромные капиталовложения в сельское хозяйство, сделанные большевиками, эффекта не давали. Из этого делался вывод о том, что Сталин реализовал «имперскую, бюрократическую, неорганическую и нежизнеспособную модель развития российской экономики, и общества в целом» и само советское общество, созданное Сталиным, не имело ничего общего с теми идеалами социализма, какими их представляли себе классики марксизма-ленинизма (26).

Милюков определял сталинский социализм как «строй государственного капитализма милитаристского типа». Для него и его сторонников по республиканско-демократическому лагерю был совершенно ясен факт отсутствия стимулов к саморазвитию сталинской военно-индустриальной модели. Они понимали, что

рано или поздно ее ждет крах. Хотя потрясение от «сталинского рывка» у Миллюкова, как пишет Малыхин, оказалось очень глубоким, и потому он избегал делать точные прогнозы и относительно судьбы советской экономики, и будущих перспектив самого режима, особенно на фоне начавшейся войны. Вместе с тем Миллюков приходил к выводу о том, что «Сталин представляет собой «революцию» выдыхающуюся, которой суждено, с ним или без него, дойти до естественного конца» (27). Называя сталинский режим тоталитарным, Миллюков отмечал, что как всякая личная диктатура он «не допускает демократических методов», «исключает понятие народного суверенитета, равно как и существование какой-либо другой политической партии, кроме правящей, свободные выборы и независимое национальное представительство»; «отрицает личную свободу и свободу мысли, независимую прессу, свободу собраний и пр.» (28). Но при этом выражалась надежда, что лучшие из поколения советских людей «в глубине своих сердец могут растить семена свободы или, по меньшей мере, моральной независимости — и когда-нибудь эти семена дадут плоды», а это означало, что впереди Россию могут ждать экономические реформы и глубокие политические преобразования.

Таким образом, в 1920—30-е гг. в российском зарубежье происходил процесс дальнейшего развития реформаторской демократической мысли, отвергающей революционное насилие и синтезирующей ценности демократии и подлинного социализма в условиях тоталитаризма. Благодаря процессу взаимного сближения либералов и умеренных социалистов происходило их обогащение новыми конструктивными идеями и, в первую очередь, в трактовке прав человека, гражданских свобод, равенства исходных возможностей, понятия собственности. Предложенная ими модель российской модернизации имела конечной целью политический и социальный демократизм.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Куреньшев А.А.* Крестьянские организации Русского Зарубежья (1920—1951 гг.). — М., 2008. — С. 46—47.
- (2) Там же.
- (3) *Омельченко Н.А.* В поисках России. Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности. — СПб., 1996. — С. 70.
- (4) Там же.
- (5) П.Н. Миллюков: Историк, политик, дипломат. — М., 2000. — С. 168.
- (6) *Вандалковская М.Г.* Историческая мысль русской эмиграции. 20—30-е гг. XX в. — М., 2009. — С. 101.
- (7) *Малыхин К.Г.* Русское зарубежье 20—30-х годов. Оценка большевистской модернизации: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. — Ростов-на-Дону, 2000. — С. 40.
- (8) Три платформы Республиканско-Демократических Объединений (1922—1924 гг.). Политический комментарий П.Н. Миллюкова. — Р., 1925.
- (9) Там же. — С. 10.
- (10) Там же. — С. 21.
- (11) Там же. — С. 22.
- (12) Там же. — С. 24.
- (13) Там же. — С. 25.

- (14) Там же. — С. 31—32.
- (15) Там же. — С. 33—34.
- (16) Там же. — С. 37—41.
- (17) Там же. — С. 35.
- (18) Политическая история русской эмиграции. 1920—1940 гг. Док-ты и материалы. — М., 1999. — С. 535—540.
- (19) Бюллетень Республиканско-демократического объединения. — Париж, 1926. — Октябрь. — С. 3.
- (20) Там же. — С. 522.
- (21) Последние новости. — 1932. — 20 декабря.
- (22) Политическая история русской эмиграции... — С. 552.
- (23) *Нильсен Е.П.* Милуков и Сталин. О политической эволюции П.Н. Милукова в эмиграции (1918—1943). — Oslo, 1983. — С. 18, 21, 25.
- (24) Политическая история русской эмиграции... — С. 579.
- (25) Там же. — С. 579, 577.
- (26) *Мальхин К.Г.* Русское зарубежье... — С. 39—40.
- (27) *Милуков П.Н.* Два диктатора — две революции // Последние новости. — 1940. — 7 февраля.
- (28) *Милуков П.Н.* Положение накануне войны // *Вандалковская М.Г.* Историческая мысль русской эмиграции. 20—30-е гг. XX в. — М., 2009. — С. 410.

**MAIN TENDENCIES
OF DEMOCRATICALLY-REFORMIST THOUGHTS
DEVELOPMENT OF RUSSIAN NEIGHBOURHOOD
IN THE 1920—1930'S**

M.N. Moseikina

Department of Russian History
Russian University of Peoples Friendship Russia
Mikhlukho-Maklay Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

There are main tendencies of democratically-reformist thoughts development of russian neighbourhood in the 1920-1930's analyzed in the article, which were characterized by its refusal of revolutionary violence and synthesis of democratical values and true socialism. The author analyses its model of reorganisation of post-bolshevik Russia and shows its socially-oriented direction. The special attention is paid to the search of new tactical solution by liberal political forces, which found the reflection in a platform of Republican-democrat association, one of its association leaders was P.N. Milukov.

Key words: The Russian abroad, reformism, democracy, authoritative tradition, «new liberalism», totalitarianism, modernisation, P.N. Milukov.